

Шли ангелы в прострелянных шинелях

ПОЭЗИЯ

70 лет
Великой
Победы

*Митур
Андошин*

Живой

Сибирская фамилия: Живых.
Начальник орудийного расчёта,
он не боялся бога и ни чёрта,
ни танковых ударов лобовых.

Не прятал от солдат свой доппаёк,
не лез в окоп, когда в крестах
был воздух,
подбадривал: «В Берлине
будет роздых,
и Катя нам про ласточку споёт!»

...Не лапал кобуры, волком не выл,
когда упала санинструктор Катя,
лишь пнул ногою фрица в маскхалате,
и к остальным сестричку положил.

Один последний выпустил снаряд,
и вышел встреч пехоте с автоматом,
в любви Отчизне признаваясь матом, —
и приняла его земля своя.

...Поверх позёмки завихрений злых
шли ангелы в простреленных
шинелях...

И павшие живели и живели,
и улыбался, видя их, Живых.

10.01.2015

* * *

Убралась бы ты, смерть,
за леса, за поля,
за тридцати твердь,
где круглится земля!

Ты не трогала б нас,
потому что – живём,
потому что – сейчас,
а потом не споём

вместе «Алаверды!»,
и во здравие тост
не подыдем – беды
к нам пришёл тяжкий пост.

Ты ушла бы куда,
где бессмертны пока,
где живая вода,
где, как годы, века...

11.12.2014

Хирург

Бесконечная тоска чужих болот.
Штаб молчит, и кухни нету третий день.
Медсестра ему на руки ковшик льёт,
он молчит, стоит, задумавшись, как пень.

Этот выживет, семь пуль, и все насквозь,
а восьмая на ладони у него.
Он стоит, ныряя в сон, носками врозь,
как чугунное литое божество.

Третий день не возят кухню, дождик льёт,
сорок раненых в подводах ждут судьбы.
Бесконечная тоска чужих болот.
Ах, поспать бы полчаса, и по грибы.

Спит, и полнится лукошечко опять,
но споткнулся и рассыпал у плетня...
Встал, стоит и швы накладывает, свят.
А к нему везут всё новых из огня.

Бесконечная тоска чужих болот,
смутно слышимый сестричкин разговор...
Пляшет скальпель, кровь в ведёрко дождик льёт.
Красный свет стоит в глазах, как светофор.

* * *

День чудесно хорошенький,
как улыбка щенка!
Солнца тёплые грошики
принимает рука.

Ах, какие там добрые
господа в небесах!
Наберу разных долларов
и пойду на базар.

И куплю себе музыку!
Буду плакать и петь,
что тропиночкой узкою
никуда не успеть.

Что успел я давно уже
народиться на свет –
поклонюсь тебе в ноженьки,
Солнце прожитых лет...

* * *

Выколачивать пальцы из траков,
на морозе железом звеня...
Впереди – огнедышащий Краков,
позади – батальон и броня.

Сто наркомовских ходят по жилам
вверх и вниз, словно поршни в движке,
и сейчас закричит: «По машинам!»
шлемофон на горячем виске.

Смотрит Царство торжественно-гневно,
липы чёрные кверху воздев.
До видzenia, пани крулевна,
мы их выьем отсюда, пся крев.

.....
.....

Подавившись костью костёла,
спит в предместье бригада СС.
Спит в снегу батальон мой весёлый –
лишь один, как и прежде, воскрес.

Поправляет то шлем мне, то платье
на её изумлённых ногах,
позабыв про судьбу и распятые
в обожжённых любовью снегах...

* * *

На горящем полустанке останавливала танки:
подвезите до Рязани в школу связей и вязаний!
Шлемофон посмотрит хмуро –
не разведчица, а дура.
Даст краюху, три картошки,
сколок гансовой гармошки.
В темь кубышки-рукавицы
слёзку прятала с ресницы,
где воробушек усталый,
грошик медный, снег неталый,
выбегала за ворота,
где повесили кого-то,
заливаясь, провожала,
пела, плакала, рожала.
Выла, как волчок, на брюхе, –
о Святом, о добром Духе.

10

Набат

Пил пиво, умер ненароком,
остался в улице лежать,
а ты, обременённа сроком,
Пошла по деревням рожать.

А ты пошла, взвалив котомки,
и чрево выпятив вперёд,
под самолётов вой негромкий
в чужой капустный огород.

Брела военная потеха
по пыльным заревам Руси,
но чёрный аист над застрехой
услышал тонкое: «Спаси...»

И ты вошла незваной дочкой
в избу незнамого села,
молилась Богу тёмной ночью,
и на Казанской понесла.

...Когда ж по улицам России
моторы танки завели,
и новоявленным Мессией
колонны гордые пошли

туда, к заплаканным избёнкам,
где аист на печной трубе,
где ты склонилась над ребёнком,
где быть Отчизне и Судьбе, –

допив недопитое пиво,
я старый бросил интерес,
и смерти улыбнулся криво,
и к жизни сумрачно воскрес.

И, затворясь, как в келью, в башню,
вперёд армаду направлял,
и сзади робко день вчерашний
перстом меня благословлял.

* * *

Черёмуха
не знает промаха.
На плечи руки положив:
ты ещё жив?
И реактивная листва
багрянцем по вискам: жива?
Иди, приказ отдаст метель,
в мою постель!
Не упоения, не слёз,
а пропадания всерьёз
жизнь домогается от нас.
Ты взял Парнас?
Так поскользлись на детском льду!
«Иду, любовь моя! Иду».

